

1.1. *Введение*

1.1.1. Внутрילитературная интерпретация и внелитературные контексты

Во Введении будет показан исторический и литературный фон развития жанра новеллы на иврите в начале 20-го века. Однако прежде всего обозначим специфику подхода к новелле в этом разделе, в отличие от подхода, применяемого в девяти последующих разделах.

Метод анализа отдельного рассказа, исследующий его элементы и внутренние связи между ними, называется внутрিলитературной интерпретацией. На ее общих принципах мы останавливались в свое время при описании структуры курса. Во Введении пойдет речь о связи текстов с внелитературными контекстами, в которых создаются литературные произведения.¹ Эти контексты могут быть разного рода, например:

¹ Вопрос о том, является ли литература отражением реальности, с давних времен вызывает споры. Вот, например, полемическое высказывание писателя С. Изхара: «Рассказ не есть отражение действительности, и не средство коммуникации между людьми, и не суждение о жизни – рассказ есть исключительно произведение искусства, созданное на жизненном материале, почерпнутом из действительности в конкретном времени, но этот материал воплощен в особую языковую форму». Эта точка зрения вызвала энергичные возражения, см., напр.: Г. Шакед. Несколько замечаний по поводу баллады С. Изхара «Вне поколения». Йедиот ахаронот, 4.3.1983.

- А. Биографический контекст:** образ писателя; реальные обстоятельства его жизни, послужившие основой рассказа и воплощенные в нем; место данного рассказа в творческой эволюции автора, а также связи рассказа с другими произведениями того же автора.
- Б. Общий литературный контекст:** место рассказа по отношению к другим литературным произведениям, более ранним или созданным в то же время, связь произведения с литературными нормами эпохи и с существующими литературными школами.
- В. Исторический контекст:** связь рассказа с исторической ситуацией, с общественно-культурной реальностью, которая послужила основой его сюжета.
- Г. Идеальный контекст:** влияние определенной идеологии, философии или мировоззрения (например: марксизм, сионизм, экзистенциализм) на художественное произведение, на его образный строй и на позицию писателя.
- Д. Психологический контекст:** связь между различными психологическими и психоаналитическими теориями (например, теория личности З. Фрейда, учение об архетипах К. Юнга) и структурой художественной реальности в рассказе.

Во Введении мы покажем, что между различными рассказами, о которых пойдет речь в нашем курсе, есть немало общего. Это общее выявляется при рассмотрении их во внелитературном контексте. Цель данного раздела – очертить облик той литературной и внелитературной реальности, в которой создавались эти произведения, – реальности, знакомство с которой должно предвещать обсуждение каждого рассказа в отдельности.

Этот исторический очерк написан, исходя из определенных историографических и литературоведческих установок, разработанных в фундаментальных исследованиях ивритской литературы начала

20-го века. Упомянем (в алфавитном порядке) работы Ицхака Бекона, Шмуэля Версеса, Нурит Говрин, Шимона Галкина, Дана Мирона, Гершона Шакеда, Йосефа Эвена и других, чьи имена будут указаны ниже в соответствующем месте. Подробная библиография использованных произведений научной литературы и художественной критики дается в приложении к этому разделу.

1.1.2. Семь общих аспектов

Без преувеличения можно сказать, что на пороге двадцатого столетия в ивритской литературе разразилась революция. После длительного периода застоя появилась, практически одновременно, замечательная плеяда поэтов, прозаиков, публицистов и критиков, в течение первых двух десятилетий 20-го века поднявших уровень ивритской литературы, ее тематической сложности и идейной насыщенности. В поэзии это, разумеется, в первую очередь Хаим Нахман Бялик и Шауль Черниховский, чьи имена впервые прозвучали в литературе в последнее десятилетие 19-го века и чье дарование в полной мере раскрылось с наступлением нового столетия. Вслед за ними следует отметить Залмана Шнеура, Яакова Фихмана, Давида Шимоновича, Яакова Штейнберга, Ицхака Каценельсона. В области прозы упомянем Менделе Мойхер-Сфорима, Миху Йосефа Бердичевского, Йосефа Хаима Бреннера, Ури Нисана Гнесина, Гершона Шофмана, Ашера Бараша, Двору Барон, Ицхака Дова Берковича и начинавшего тогда Шмуэля Йосефа Агнона. Среди идеологов, критиков и публицистов наиболее известны имена Ахад Гаама, Давида Фришмана, Нахума Соколова, Реувена Брайнина, Фишеля Ляховера, Яакова Рабиновича, Аарона Давида Гордона, Ш.Й. Иш-Гурвица, а также Бреннера и Фихмана в роли критиков.

Их деятельность, в сущности, заложила основы современной еврейской культуры и наряду с развитием национально-освободительного и сионистского движения подготовила почву для возрождения национальной независимости в Стране Израиля. Утвержденные

тогда эстетические принципы, литературные модели, принципы отображения действительности не утратили своего значения и по сей день.

Вероятно, важнейшим достижением того времени явилось расширение возможностей использования иврита в качестве языка художественной литературы. **В сфере поэзии** – получили развитие ритмические и образные возможности языка. **В прозе** – утвердились различные стили, дающие возможность адекватно отразить и внешнюю реальность, и тончайшие душевные процессы. **В эссеистике** – иврит стал отточенным и изощренным инструментом критики и публицистики. По сути дела, именно развитие новой ивритской литературы способствовало возрождению иврита в качестве разговорного языка. Благодаря расширению языковой базы, развилась литература, которая смогла поставить важнейшие проблемы национального бытия и изобразить внутренний мир личности на уровне современной мировой литературы.

Каким образом осуществился этот прорыв? Какова была почва, подготовившая расцвет ивритской литературы на пороге 20 века? Ответы на эти вопросы, касающиеся исключительно прозы, попытается дать настоящее Введение. В предисловии к нему мы вкратце отметили некоторые черты, общие для произведений изучаемых в курсе писателей, чтобы выделить общие исторические и литературно-общественные условия, в которых эти произведения создавались. Мы дали также обзор важнейших исторических событий, современниками которых были эти авторы. Нам пришлось вернуться и к более раннему периоду еврейской истории, чтобы представить те основные черты ивритской литературы, которые проявились уже во второй половине 19 века и стали исходной точкой для впечатляющего развития ивритской прозы в начале двадцатого века. Мы остановились также на тех жанровых, поэтических и языковых нормах, которым следовала эта литература, на ее тематике и проблематике. Таково в целом содержание данного раздела.

Каждый из рассказов анализируется отдельно, но их отбор и последовательность анализа не случайны. Уже самые общие биографические и библиографические сведения и краткий обзор содержания рассказов позволяют, еще до подробного их обсуждения, обнаружить семь явных признаков общности как между писателями, так и между произведениями, о которых пойдет речь в нашем курсе. Некоторые из этих общих признаков перечисляются ниже; подробнее о них мы поговорим несколько позже.

1. Семеро из девяти писателей родились примерно в одно и то же время – в течение десяти лет между концом семидесятых и концом восьмидесятых годов 19-го века. Поэтому можно сказать, что они принадлежат к одному писательскому поколению²: Ури Нисан Гнесин (1879), Гершон Шофман (1880), Йосеф Хаим Бреннер (1881), Ицхак Дов Беркович (1885), Шмуэль Йосеф Агнон (1887), Двора Барон (1887). Сложные личные и литературные связи соединяли их друг с другом и с двумя старшими современниками – Михой Йосефом Бердичевским (1865) и Хаимом Нахманом Бяликом (1873), которые, как будет показано ниже, принадлежали к предыдущей литературной генерации.
2. Восемь из девяти писателей родились в городах и местечках, отведенных Россией для еврейской «черты оседлости», – а точнее, на Украине и в Белоруссии (исключением является Агнон, родившийся в Бучаче в Восточной Галиции). Все они – выходцы из религиозных семей (а Бердичевский, Гнесин и Двора Барон – даже дети раввинов), получившие традиционное еврейское образование в хедере и иешиве. Двора Барон, единственная женщина во всей этой группе, благодаря отцу-раввину также приобрела познания в Торе и овладела ивритом, что позволило ей стать практически единственной писательницей той эпохи.

² Подробности о жизни и творчестве этих писателей можно найти, напр., в Краткой Еврейской Энциклопедии (издается в Иерусалиме), а также в биографических введениях к каждой части курса (*прим. ред.*).

3. Все эти авторы начали писать и публиковать свои рассказы, а некоторые из них даже первые книги, на пороге и в течение первого десятилетия 20-го века. Это справедливо и по отношению к Бердичевскому, впервые заявившему о себе как о серьезном прозаике в четырех сборниках рассказов, изданных в 1899-1900 гг., и к Бялику, чей первый рассказ «Арье Баал-гуф» появился в 1899 году.
4. Большая часть рассказов, отобранных для курса, были опубликованы в первоначальном варианте в первые два десятилетия 20-го века: между 1899, когда появились «Два стана» Бердичевского, и 1921, когда вышел «Овадья-увечный» Агнона.³ В эти хронологические рамки не умещаются только два рассказа Шофмана и «Тернистый путь» Дворы Барон (1943); относительно последнего можно отметить, что и поэтические нормы, в соответствии с которыми он написан, и мировоззрение, которое он отражает, сформировались в первые два десятилетия 20-го века.
5. Все девять писателей – выдающиеся мастера короткого рассказа и новеллы. Лишь двое из них, Бреннер и Агнон, являются также талантливыми романистами. Хотя Бердичевский и Беркович тоже писали романы, их достижения в этой области не столь убедительны. Пятеро из этой группы – Барон, Гнесин, Шофман, Бялик и Штейнберг – вообще не пытались писать романы (двое последних – прежде всего крупнейшие ивритские поэты).
6. Все девять авторов – двуязычные писатели, и каждый из них, наряду с литературной деятельностью на иврите, так или иначе внес свой вклад в литературу на идише, правда, считая ее менее важным направлением своего творчества. И все же некоторые из них, такие как Бердичевский и Штейнберг, оставили после себя творческое

³ Хронология публикаций остальных рассказов: «Марьяшка» Берковича – 1905; «Стороною» Гнесина – 1905; «Сам с собою» Бреннера – 1907; «Ганя» Шофмана – 1908; «В осаде и в неволе» Шофман – 1922, «Vater» и «Штукагур» Шофмана – 1942; «За оградой» Бялика – 1909; «Дочь раввина» Штейнберга – 1911 (первоначальная версия – на идише).

наследие на идише, внушительное и по качеству, и по количеству произведений. Другие, как, например, Гнесин и Шофман, прекратили случайные опыты на идише и полностью перешли на иврит. Надо отметить, что из всей этой плеяды единственными, кого заботило сохранение и собирание своих произведений на идише, были Бердичевский (немало писавший также по-немецки) и Бялик, немногочисленные сочинения которого на идише появились при жизни автора в нескольких изданиях, вместе с переводами его произведений с иврита на идиш. Остальные же писатели этой группы, снискав себе признание в качестве ивритских авторов, практически полностью предали забвению свое творчество на идише; собрания их сочинений на этом языке были изданы только после смерти.

7. В сюжетах рассказов есть немало общего. Сходство между ними обнаруживается в атмосфере и фоне: например, фабулы всех рассказов разворачиваются в городах и местечках восточной Европы или больших европейских городах конца 19-го-начала 20-го века. Есть и более тонкие связи, нечто вроде общей системы тем и образов:
- конфликт поколений – «отцов и детей» – на почве кризиса еврейской традиционной жизни («Два стана», «Дочь раввина»);
 - подавленная и вытесненная эротика: сексуальная страсть как сила, которая в конце концов разрушает жизнь героев («Два стана», «За оградой», «Марьяшка», «Дочь раввина», «Ганя», «Овадья-увечный»);
 - любовь к чужаку: влечение еврейского юноши к девушке-нееврейке («Два стана», «За оградой»);
 - тема самоубийства («Дочь раввина», «Наедине с собой»; данная намеком и в «Двух станах»);
 - образ отщепенца – «талуша» (*талуш* на иврите буквально – «оторванный») – еврейский «лишний человек», молодой еврейский интеллигент, порвавший с родиной, семьей и

еврейской традицией, но не сумевший укорениться в другом мире и оказавшийся в жизненном тупике, во враждебной среде большого города («Два стана», «Стороной», «Сам с собою»⁴).

Вывод

Девять писателей, с произведениями которых мы познакомимся в данном курсе, представляют собой литературную группу с общими отчетливыми признаками. Всех этих писателей, начавших литературную деятельность на иврите практически одновременно, сближают сходство биографий, происхождение из одного географического ареала и основные впечатления, повлиявшие на их формирование, а также тематика их произведений. Несмотря на все индивидуальные и художественные различия между ними, можно говорить об общей для всех этих писателей литературной и языковой реальности, литературных влияниях и взглядах на искусство, то есть об общем характере их творчества. □

1.1.3. Исторический фон: от погромов 1881-1882 гг. до Первой мировой войны

Еще один общий для перечисленных писателей контекст, знакомство с которым важно для понимания изучаемых нами литературных процессов – контекст исторический. Творчество писателей, о которых идет речь в нашем курсе, развивалось в эпоху, отмеченную социальными и культурными революциями и судьбоносными изменениями в жизни еврейского народа. Данный раздел посвящен краткому обзору основных событий, на фоне которых создавалась литература на иврите в начале 20-го века. Главное внимание уделяется

⁴ На формирование этого образа и метафоры «талуш» повлияло стихотворение М.Ю. Лермонтова «Листок» («Дубовый листок **оторвался** от ветки родимой...») (прим. ред.).

событиям, имевшим место в Восточной Европе, так как именно там оказалась самая благодатная почва для расцвета этой литературы, именно там интенсивно шли процессы, революционным образом изменившие жизнь еврейского народа.

Начнем с 1881 года, который принято считать поворотным моментом в новой еврейской истории. 1 марта 1881 года членами народнической террористической организации «Земля и Воля» был убит царь Александр II. В этом убийстве были обвинены евреи. Вскоре почти в двухстах населенных пунктах южной России разразились еврейские погромы, сопровождавшиеся грабежом и разрушением. Новая, еще более широкая волна погромов, происходивших при явном попустительстве российских властей, прокатилась в 1882-1884 годах. Еврейские просвещенные интеллигенты – маскилим – были потрясены, увидев, насколько глубоко укоренен антисемитизм во всех слоях русского общества, включая и интеллигенцию. Погромы практически полностью разрушили просветительские иллюзии о гармоничной интеграции евреев в русском обществе и способствовали появлению массовых движений, искавших новые пути решения «еврейской проблемы».

1. Одним из направлений решения этого вопроса было «великое переселение» из Центральной и Восточной Европы на американский континент, начавшееся еще в семидесятые годы 19 столетия, но получившее мощный импульс лишь в начале восьмидесятых. В течение 1881-1914 годов в поисках лучшей доли Европу покинули почти три миллиона евреев, главным образом из царской России. Около двух миллионов обосновались в США, значительная часть – в Канаде, Аргентине и других странах Латинской Америки, а также в Западной Европе; гораздо меньше эмигрантов устремилось в Южную Африку, Австралию и Палестину (Эрец-Исраэль). Эти массовые миграции совершенно изменили карту еврейской диаспоры и создали ее новые географические и культурные центры. Атмосфера скитаний, обнищание и распад еврейских общин в Восточной Европе, разрушение местечкового

уклада – вот та реальность, в которой сформировались изучаемые нами писатели. Эта реальность – в прямой или опосредованной форме – нашла свой отклик в их произведениях.

Шимон Дубнов.

2. События 1881 года решительным образом подтолкнули и развитие национального движения. Непосредственной реакцией на погромы стало создание в том же году многочисленных отделений общества «Ховевей Цион» (палестинофилов) в Восточной Европе. Общество «Ховевей Цион» провозгласило своей целью алию, т. е., переселение в Страну Израиль и ее колонизацию в качестве первого шага на пути создания независимого еврейского

Ахад Гаам.

Й. Л. Пинскер.

государства. Среди первых колонистов были четырнадцать членов общества «Билу», отправившихся в Палестину в 1882 году. Этот год ознаменовался также закладкой первых еврейских сельскохозяйственных поселений – Ришон-ле-Циона, Рош-Пины, Зихрон-Якова, вслед за которыми при поддержке барона Эдмона де Ротшильда появились новые поселения. В 1884 году в г. Катовице состоялся первый съезд «Ховевей Цион». Руководил съездом Йеуда Лейб Пинскер, автор книги «Автоэмансипация» (1882). В 1889 году в Одессе Ахад Гаам организовал и возглавил общество «Бней Моше» (т.е. «Потомки Моисея»), пропагандировавшее идею национального возрождения. Все эти общества и организации занимались культурно-просветительской деятельностью, сбором денег, отправкой экспедиций и поддержкой поселения. Однако их ряды насчитывали тогда не более двух тысяч активных членов – им не по силам было обеспечить массовую алию в Страну Израиля. В конце 90-х годов отделения «Ховевей Цион» поддержали Теодора Герцля и во многих местах стали организационной базой политического сионизма.

1897 – год Первого сионистского конгресса – символизирует превращение политического сионизма в общественную силу. Первые успехи нового движения были связаны с масштабной фигурой Теодора Герцля (1860–1904), чье сионистское мировоззрение сформировалось в атмосфере национальных конфликтов в Австро-Венгерской империи и под впечатлением процесса Дрейфуса во Франции, за которым он внимательно следил в свою бытность журналистом. В вызвавшей многочисленные отклики книге «Еврейское государство» Герцль изложил план создания надежного национального убежища для еврейского народа в Стране Израиля на основе широкой международной поддержки. Вслед за Первым сионистским конгрессом в Базеле, состоявшимся в августе 1897 года, сионистские конгрессы созывались почти ежегодно. В дискуссиях на этих конгрессах выявилось огромное многообразие взглядов на способы и пути достижения поставленной цели. Среди них можно выделить следующие основные направления: «политический сионизм» Герцля,

«духовный сионизм» Ахад Гаама, «практический сионизм» Менахема Усышкина, «синтетический сионизм» (сочетание сионизма «политического» и «практического») Хаима Вейцмана, «религиозный сионизм» во главе с раввином Яаковом Рейнесом, «социалистический сионизм», идеологами которого были Нахман Сыркин и Бер Борохов, «ревизионистский сионизм» Владимира Жаботинского.

С 1896 года вплоть до своей смерти Герцль все силы отдавал интенсивной политической деятельности, налаживал контакты с главами правительств европейских стран и Османской империи ради получения государственной концессии («чартера») на еврейскую колонизацию Страны Израиля с элементами самоуправления и самообороны. Однако на этом направлении он потерпел неудачу и стал искать другую возможность облегчить бедственное положение восточноевропейского еврейства, испытавшего еще одно тяжелое потрясение – погром в Кишиневе (1903). При поддержке английского правительства Герцль разработал план еврейской колонизации Восточной Африки («план Уганды»), предлагая направить туда поток переселенцев из России в качестве своего рода промежуточного этапа в процессе создания еврейского центра в Стране Израиля. Этот план, представленный на Шестом сионистском конгрессе в августе 1903 года и отвергнутый Седьмым конгрессом в 1904 году, вызвал острые разногласия в лагере сионистов, что приблизило кончину Теодора Герцля. Острая полемика вокруг «плана Уганды» и смерть Герцля в июле 1904 года привели к кризису сионистского движения, в частности к тому, что в конце того же года от него откололась группа территориалистов (сторонников идеи автономной еврейской колонизации, не обязательно в Страну Израиля) во главе с Исраэлем Зангвилем.

3. В 1880-е годы активизировалось участие евреев в международном социалистическом движении. Следует различать два разных вида такого участия:

1. Активное участие евреев в деятельности различных европейских социалистических партий. Национальную идентификацию им

заменяла классовая принадлежность: установление социального равенства должно было одновременно решить национальные проблемы. Многие евреи достигли в этих партиях руководящих постов, несмотря на антисемитские тенденции, особенно заметные среди основателей социал-демократической партии в России.

2. Возникновение собственно еврейских социалистических движений и партий, главным образом на территории России. Эти партии, испытавшие влияние радикальных течений, распространенных среди русской интеллигенции, видели в воплощении идеалов социализма решение и еврейской национальной проблемы; основой этих движений стали, разумеется, еврейские рабочие. 1897 год ознаменовался не только появлением политического сионизма, но также созданием еврейской социалистической несионистской партии **Бунд**. В сентябре 1897 года в Вильне состоялся учредительный съезд Бунда, а к началу 20-го века Бунд стал одной из самых массовых партий, в рядах которой числились тысячи членов и сторонников. В начале своей деятельности Бунд видел себя исключительно социалистическим течением, использующим идиш только в целях агитации, но постепенно в его программу проникло требование гражданских прав для российских евреев, а затем и национально-культурной автономии. Исходя из убеждения, что еврейский рабочий должен бороться за свои права там, где он проживает, и отказываясь признать, что у евреев в разных странах рассеяния могут быть общие национальные интересы, Бунд с самого начала боролся против сионизма, выдвигая в качестве альтернативы социализм, который решит проблемы еврейского пролетариата. Важнейшими завоеваниями Бунда были достижения в области социальных прав еврейского рабочего класса, деятельность в сфере общего просвещения евреев и создание системы еврейского образования. Наряду с Бундом следует упомянуть еще одно несионистское течение – «автономизм», основателем которого был историк Шимон Дубнов. Датой появления автономизма также стал 1897 год. В его основе – призыв к организации евреев

диаспоры в автономные национальные светские общины по месту проживания, которые смогут решать внутренние проблемы.

1.1.3.1. Исторические события в начале 20-го века

В Российской империи начало 20-го века было не только временем брожения и пробуждения самых разнообразных идей и течений на еврейской улице, но и эпохой назревания антимонархических настроений, выразившихся в появлении русских революционных партий, в которых принимало участие немало евреев. Правительство, в свою очередь, поддерживало антисемитскую истерию, следствием которой стала волна еврейских погромов.⁵ Во время Кишиневского погрома, произошедшего на Пасху 1903 года, было убито пятьдесят евреев. Одним из гневных откликов на это событие стала поэма Бялика «Сказание о погроме». Сразу же после Кишиневских событий на юге России и в Литве были организованы отряды еврейской самообороны, но им не удалось предотвратить нового всплеска погромов, совершавшихся при открытом попустительстве властей в 1904-1905 годах. Погромы были лишь звеном в цепи явлений, приведших к первой русской революции 1905 года. Среди других факторов надо упомянуть покушение на министра внутренних дел Плеве, и, через год, его убийство; но важнее всего было поражение России в войне с Японией и расстрел около тысячи участников мирной демонстрации перед царским дворцом в январе 1905 года («Кровавое воскресенье»). Революция выразилась во всеобщих забастовках, парализовавших жизнь страны, в восстаниях воинских частей, а также в активных легальных выступлениях социалистических партий. Царь жестоко подавил восстание с помощью войск. Вскоре была созвана Дума – выборное законодательное собрание с пропорциональным представительством партий и общественных движений. В преддверии перемен, в атмосфере сотрудничества с правительством, обещавшим расширение гражданских свобод, революционная волна пошла на спад, первая Дума (1906) постепенно подчинилась правительству.

Во время бурных событий 1903-1905 годов по России шли погромы, лилась еврейская кровь. Царский манифест 17 октября 1905 года, провозгласивший основные гражданские свободы, евреи встретили с энтузиазмом, но после него погромы вспыхнули с новой силой. В годы первой русской революции (1905-1907) еврейская культурная жизнь оказалась почти полностью парализована – в частности, было прекращено издание важнейших газет и журналов, а еврейских писателей охватило чувство отчаяния и бессилия. Все эти события повлияли на рост эмиграции за океан (в США и Аргентину) и вызвали **вторую алию** в Страну Израиля. Непрерывный поток этой алии, продолжавшийся до начала Первой мировой войны, привел в Палестину около сорока тысяч российских евреев (правда, многие из них со временем покинули страну). Основу алии составляли молодые люди, не организованные в партии. Эти индивидуалисты, отрицавшие еврейскую религиозную традицию, отвергали Галут, тяготели к идеям сионизма и социализма, стремились к производительному труду и к созданию еврейского трудового – рабочего и крестьянского – класса, который должен был стать основой обновленной национальной жизни. Одной из наиболее впечатляющих новаций второй алии стало создание сначала **квуцы** (группы), а затем **киббуца** – общины для совместного земледельческого труда и распределения, построенной на идеалистических началах. Идеология и быт киббуцов представляли собой сознательный вызов образу жизни частных земледельцев-мошавников первой алии. Среди вождей второй алии следует упомянуть А.Д. Гордона, Д. Бен-Гуриона, Б. Кацнельсона, Й. Ароновича, а в числе писателей, переселившихся в это время в Эрец-Исраэль, были Й.Х. Бреннер, Ш.Й. Агнон, Д. Барон, Ш. Цемах, М. Виленский, Л.А. Ариэли и др. В эпоху второй алии (1904-1914) были заложены основы для создания центра ивритской культуры и литературы в Эрец-Исраэль. По мере того, как переживали оскудение и упадок другие центры в Восточной Европе и США, Страна Израиля превращалась в важнейшее средоточие этой культуры.

⁵ Поскольку у революционеров среди российского населения было немало противников, правительству было достаточно связать их революционную деятельность с влиянием евреев (*прим. ред.*).

Развитие всех этих процессов было прервано Первой мировой войной в августе 1914 года. Эта война, в течение четырех лет изменившая облик всего мира, ощутимо сказалась и на положении еврейства. Военные действия, Октябрьская революция 1917 года и последующая кровопролитная гражданская война в России принесли разрушение и гибель тысячам еврейских общин, но они же пробудили и надежду евреев на лучшее будущее. 2 ноября 1917 года была провозглашена Декларация Бальфура; впервые появилась реальная возможность осуществить мечту о еврейской государственности.⁶

В годы войны и революции шло становление самосознания у ивритских писателей нового поколения, так называемого поколения третьей алии.

«Еврейский рабочий», газета партии «Поалей Цион», выходившая на идише и по-немецки в Австро-Венгрии, 1904 г.

⁶ После Первой мировой войны Страна Израиля вышла из-под турецкого владычества и оказалась под контролем Великобритании (т.н. «британский мандат»). Лорд Бальфур опубликовал открытое письмо, в котором говорилось, что Великобритания «смотрит благосклонно на создание еврейского национального очага в Палестине». Это письмо, воспринятое евреями как разрешение на еврейскую колонизацию Страны Израиля, вошло в историю под названием «Декларации Бальфура» (*прим. ред.*).

Это самосознание людей, мечущихся между ощущением крушения старой европейской цивилизации, традиционного еврейского уклада – и верой в то, что начинает создаваться новый мир; между восторгом перед достижениями научного прогресса – и осознанием разрушительной мощи современной техники; между глубокой укорененностью в еврейской традиции – и духом европейского модернизма в искусстве, марксизма и психоанализа Фрейда.

Такого рода переживания и определили существенное отличие этого поколения от поколения писателей начала века. Но это уже выходит за рамки нашей темы.

Российские евреи в поисках пристанища. Германская антисемитская карикатура, 1899 г.

Еврейская улица после погрома